

Мария Лысенко

МЛ – В этот сильный голод они – коммунисты, которые это организовали – сделали магазин.

Наступила зима, и уже настало такое время, что было невозможно... Папа относил в этот магазин – он назывался «торгсин» - относил позолоченные ложки. Блюда, посуду - он относил в какой-то из ресторанов, и там ему давали три буханки хлеба и еще что-то добавляли. И за счёт этого семья держалась. Отвезли они очень ценное золотое кольцо в «торгсин» и привезли 5 кг кукурузы за это, и две буханки хлеба. Ну, конечно, мы были очень счастливы.

Еле-еле выжили, и нас, в основном, спас этот «торгсин». Видите, такой магазин организовали, что если что-то у кого-то есть, то они придут выменять хлеба, так мы у них и это заберём. И вот, как всё это закончилось, так у нас ни крестика, ни кольца, ничего! Ни посуды – ну всё вынесли, что только там принимали!

Когда отвозили бабушку, мы ехали с мамой, отвезли... Там в селе много... прямо на поле лежали люди, прямо на поле лежали. Это то, что я видела своими глазами. И ещё ...

– *Вам тогда было 6 лет?*

МЛ – Да, 6 лет. Мне в марте пошел 7-й год. А уже в марте 1933 - 7 исполнилось, пошёл 8-ой; и я уже в школу собиралась - я уже все хорошо видела и понимала. Но, дома, никто не имел права и слово сказать про Голодомор. Так было строго запрещено, если вы были дома. Но, знаете, были и такие люди, что услышит и а-а.... [могли донести]. Так что мы этого боялись, и старались молчать, молчать и молчать. И уже в марте, 8 марта 1953 года, когда умер Сталин, вот тогда мы в доме уже могли между собой говорить, вспоминать. Мама рассказывала, папа рассказывал, то, что они видели, то, что они знали.